

является необходимой предпосылкой для научного определения содержания ряда производных от него понятий (стиль жизни, жизненная позиция, жизненный путь и т. п.). Соотнесение понятий «социалистический образ жизни» и «буржуазный образ жизни» позволяет анализировать две противоположные общественные системы по таким параметрам, которые раскрывают их воздействие на человеческую жизнедеятельность в целом.

Категория «образ жизни» позволяет дать суммарную картину жизни и отдельного человека, и общества в целом, выразить ту особенную связь, которую не выражает ни одна другая категория. Это связь между обществом и личностью, между общественно-экономической формацией и деятельностью отдельного человека, живущего в рамках данной формации.

В. И. Ленин подчеркивал, что Маркс, опираясь на анализ производственных отношений, воссоздал сложный скелет капиталистической формации, но «этим скелетом не удовлетворился, ... он тем не менее постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекая скелет плотью и кровью»⁵.

В этих словах ключ к пониманию сущности и значения категории «образ жизни». Понятие «общественно-экономическая формация» отражает отношения базиса общества и его надстройки, экономической и социальной структуры, политики и идеологии. Но, чтобы «облечь скелет плотью и кровью», нужно было включить в эту систему повседневную жизнь людей и определить ее место. Иначе говоря, учесть жизнедеятельность отдельного человека, т. е. выявить, как он действует, будучи представителем того или иного общества, класса, нации, в сфере труда и потребления, в общественно-политической и семейно-бытовой жизни, в области культуры и международных связей. Этим «мостиком» от общественно-экономической формации к отдельному человеку и является понятие «образ жизни».

Категория «образ жизни», следовательно, позволяет перейти от общесоциологического рассмотрения социального процесса к конкретно-социологическому, раскрыть механизм детерминации социальным индивидуальным и воспроизведения социального индивидуальным. В конечном счете образ жизни дает возможность перейти от знания общей социальной закономерности к конкретному механизму ее осуществления, приблизиться к возможно более полному овладению этим механизмом.

Благодаря знанию содержания образа жизни на уровне его понятия критика концепций буржуазного образа жизни приобретает научно обоснованный и наступательный характер, построенный на «правдивой информации о реальных достижениях социализма, социалистическом образе жизни»⁶.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 77.

² Там же. С. 19.

³ Тупчиенко Л. С. Социалистический образ жизни как объект управления. М., 1983. С. 32.

⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 44—45.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 138—139.

⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 88.

Т. Н. БУЙКО

СУБЪЕКТ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕГО СОЦИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Особенностью современного этапа развития методологической рефлексии является деятельностный подход к научному познанию. С этой точки зрения анализ науки есть выявление методологических норм, познавательных установок субъекта научной деятельности¹. Конкретизируя картину субъект-объектных отношений, деятельностный подход актуализирует и проблему субъект-субъектных отношений в научно-теоретическом познании.

Задача настоящей статьи — рассмотреть один из аспектов субъект-субъектных отношений в качестве детерминанты развития науки как социального института и как системы знания. Этим аспектом является противоречивое отношение между коллективным и индивидуальным субъекта-

ми науки, возникающее в ходе овладения индивидуальным субъектом концептуальными средствами научного поиска. Такое отношение между двумя уровнями организации субъекта научной деятельности может быть названо отношением по поводу трансляции и освоения знания и методологических норм. Влияние данного отношения на научное познание проявляется, прежде всего, в развитии академической компоненты социальной структуры науки, т. е. системы трансляции знания и подготовки научных кадров.

Прежде чем выявить место и роль этого вида отношений в структуре субъекта научного познания, его влияние на развитие социального института науки и на производство знания, обратимся к самой идее структурности субъекта познания. Становление этой идеи зафиксировано в развитии теоретико-познавательных доктрин философии Нового Времени и немецкой классической философии, в которых отразился реальный процесс генезиса и функционирования субъекта специализированной познавательной деятельности — научной.

Формирование идеи структурности субъекта познания связано с обнаружением философской рефлексией надындивидуального в актах познавательной деятельности, в «осознании невозможности объяснить происхождение общих понятий, аксиоматического знания, мысленного эксперимента и других операций интеллекта такими же детерминантами, которые порождают в организме индивида чувственные впечатления»².

В связи с потребностью философской мысли соотнести в актах познания индивидуальное и надындивидуальное выявились различия в уровнях организации субъекта. Зародившиеся в классике оппозиции по вопросу о структуре субъекта познания проявлялись в последующем развитии теоретико-познавательных доктрин. Выбор субъекта определенного уровня общности предопределял подход к анализу познавательной деятельности: либо психологическое изучение когнитивных процессов, либо анализ нормативов научного метода, либо исследование всеобщих условий знания.

Марксистско-ленинская гносеология в качестве главной детерминанты познания объекта определенной системной организации и развития субъекта познания рассматривает предметно-практическую деятельность людей. Поэтому субъект познания (носитель средств познавательной активности) может быть определен только как часть культурно-исторического субъекта. По степени общности выделяются следующие уровни организации субъекта познания: субъект-человечество, субъект-общество, субъект-социальная общность и индивидуальный субъект³.

Зависимость познавательной деятельности от глобальных факторов, всеобщие и необходимые характеристики познания фиксируются на категориальном уровне субъекта-человечества. Второй по степени общности (субъект-общество) отражает обусловленность познавательной деятельности, совокупности познавательных средств конкретно-историческими типами общественных формаций. Индивид же выступает как субъект познания лишь постольку, поскольку он в определенной мере овладел созданными человечеством средствами познавательной деятельности.

Общественное разделение труда позволяет выделить горизонтальный срез субъекта познания и выйти к новому категориальному уровню — субъект-социальной общности, и в частности к субъекту специализированной познавательной деятельности — научной. Субъект научного познания является носителем специфических средств теоретического воспроизведения объекта в знании. Выделение категориального уровня субъекта-человечества необходимо для выявления всеобщих характеристик научной деятельности, фиксации науки как вида духовного производства. Научное сообщество как конкретно-историческая подсистема всеобщего субъекта научного познания (субъекта-человечества) является носителем определенных методологических норм отражения объекта, обусловленных конкретно-исторической социо-культурной обстановкой.

Индивидуальный субъект научного познания — это конкретно-исторический человек, располагающий лично усвоенной системой знания, методологическими установками. Индивидуальный субъект (абстрактный момент научно-социальной целостности) становится субъектом науки, овладевает арсеналом средств теоретического воспроизведения объекта в знании. Это обстоятельство отражается на структуре субъекта научной деятельности. Он раздваивается на субъект учения и субъект научного поиска, что и обуславливает появление и развитие в социальном институте науки его академической составляющей.

В процессе производства научного знания субъекты разных уровней общности вступают в отношения друг с другом по поводу производства, хранения, распределения и обмена знаниями и формами деятельности. Специфика научно-теоретической деятельности, которая определяется постоянно развивающейся системой идеальных средств отражения сущности объекта, придает особую важность и крайнюю противоречивость отношению между всеобщим и индивидуальным субъектами науки, возникающему в процессе трансляции и освоения знаний и методологических форм научной деятельности. Противоречивость этого отношения основана на глобальном гносеологическом противоречии «между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих ограниченно»⁴. Эта противоречивость заключается в несоответствии ограниченных возможностей индивидуального субъекта растущему объему познавательных средств коллективного субъекта научной деятельности.

Однако способность субъекта-индивида овладевать идеальными средствами познания (как объемом накопленного знания, так и методологическими особенностями научного мышления) свидетельствует о постоянном разрешении этого противоречия.

Наука вырабатывает специфические элементы и механизмы для снятия возникающих в процессе трансляции и освоения знаний и методологических норм противоречий между всеобщим и индивидуальным субъектами научной деятельности.

Для оформления этого типа отношений в системе социального института науки развивается подсистема, которая может быть названа его академической составляющей. Одна из основных целей ее функционирования — социальное воспроизводство субъекта научного поиска.

Из истории науки известно, что научная деятельность как институализированная, профессиональная деятельность складывается в период становления капиталистической формации: XVII век считается началом современной науки. Генезис академического элемента в теле науки отражен в гносеологических учениях о коллективном субъекте познания, в частности в Бэконовской концепции организации науки. Наука для Бэкона — это, прежде всего, коллективная деятельность людей, вооруженных методом и обеспеченных необходимым оборудованием⁵. Идея Бэкона о коллективной науке, обеспечивающей индивиду возможность овладения научным методом, суждено было сыграть огромную роль в научном движении его эпохи. Эта идея вдохновляла создателей первых естественнонаучных сообществ в Европе — академий. Программы первых академий отражают потребность в трансляции знаний для подготовки научных кадров. Другим средством научного общения в это время выступила переписка между учеными. Но ученая корреспонденция была недоступна широкому кругу читающей публики, поэтому все более ощущалась потребность в научном журнале, который помогал бы ученым сжато и оперативно излагать свои идеи, вести споры с оппонентами (первый номер такого журнала — «Журнал ученых» — вышел в 1665 году в Париже). Естественнонаучные академии, ученая корреспонденция и научная журналистика — таковы элементы академической составляющей науки XVII — XVIII веков.

В XIX веке, когда объем научных знаний удваивался за 10 — 15 лет, ученых перестает удовлетворять индивидуальный характер труда. Появляется новая организационная форма — научная школа. Основная задача ее — подготовка опытных ученых-экспериментаторов, т. е. академическая задача. Появление такого элемента в социальном институте вызвано раздвоением субъекта-индивида на субъект учения и субъект научного поиска. Именно в научной школе, отмечает М. Г. Ярошевский, «функция обучения, приобщения к научной традиции нераздельно соединена с поиском новых решений и подходов — как концептуальных, так и методических»⁶.

Эволюция организационных форм науки в направлении развития ее академической компоненты свидетельствует о детерминации научного познания противоречиями в субъект-субъектных отношениях по поводу трансляции и освоения знаний и методологических норм. С этой точки зрения становление различных организационных форм науки может быть рассмотрено как развитие субъекта научно-теоретической деятельности. Усложнение структуры субъекта научного познания (появление научно-социальных групп, школ, коллективов ученых) во многом определяется необходимостью разрешения противоречия между всеобщим и индивидуальным субъектами науки.

Однако изменение форм трансляции и освоения знаний — это лишь отражение на уровне социальной организации академической компоненты науки реального процесса становления и разрешения конкретно-исторических форм противоречия между научным сообществом и индивидуальным субъектом. Этот процесс совершается на основе закономерностей развития самого научного знания: коррелятивно росту научного знания развертывается процесс его преобразования в более простые, экономные и емкие формы⁷. Эта закономерность получила название процесса уплотнения знания. Ориентация академической составляющей на такую особенность развития научно-теоретического знания позволяет перестраивать формы трансляции с учетом уровня теоретизации.

Возможность разрешения противоречий академической составляющей науки за счет закономерностей развития знаний свидетельствует о том, что развитие научного знания изначально определено субъект-субъектными отношениями, возникающими в процессе его трансляции и освоения. С потенциальной возможностью функционировать в системе образования научных кадров, как пишет Б. Г. Юдин, связано и такое свойство научного знания, как «его объективированность, то есть универсальность, дискурсивная воспроизводимость, интерессубъективность...»⁸.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что развитие науки как социального института и как системы знания во многом определяется сложной структурой субъекта научного познания и отношениями между различными уровнями субъектной организации. Особенности социального воспроизводства субъекта научной деятельности определяют направление развития академической компоненты науки и свойства научно-теоретического знания.

¹ См.: Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М., 1984.

² Ярошевский М. Г. О генезисе субъекта научного познания // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 68.

³ См.: Лапицкий В. В. Структура и функции субъекта познания. Л., 1983; Майзель И. В. Наука, автоматизация, общество. Л., 1972.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 136.

⁵ См.: Бэкон Ф. Новая Атлантида // Соч. в 2-х т. М., 1978. Т. 2.

⁶ Ярошевский М. Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке. М., 1977. С. 94.

⁷ См.: Сухотин А. К. Гносеологический анализ емкости знания. Томск, 1968.

⁸ Юдин Б. Г. Методологический анализ функционирования научного знания // Вопросы философии. 1982. № 8. С. 105.

Ж. С. АРЗЫМАТОВ

ПРИНЦИП СООТВЕТСТВИЯ КАК ФОРМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Одной из важнейших закономерностей развития науки вообще, и физики в частности, является наличие преемственности. Вновь возникающие физические теории всегда опираются «сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений»¹. Вполне понятно поэтому, что в новых представлениях используются отдельные моменты иных представлений, что выражается или в прямом заимствовании, или же в весьма сложном по своему характеру преобразовании высказанных ранее идей.

В настоящей статье ставится задача рассмотреть преемственную связь между физическими теориями. Прежде всего рассмотрим две формы преемственной связи, включающие физический и математический аспекты. В истории науки наблюдаются случаи, когда развитие какой-либо из этих сторон опережает во времени разработку другой стороны. Сначала может быть создана физическая картина явления, а затем разработан математический аппарат этой теории. Может быть и наоборот — сначала возникает математический аппарат теории, а затем выясняется его физическое содержание.

Примером первой формы преемственности может служить развитие теории электромагнитного поля Фарадеем — Максвеллом. Основные физические идеи, лежащие в основе классической электродинамики, были высказаны Фарадеем. Однако он не разработал соответствующего математического аппарата. Такую задачу поставил перед собой Максвелл. «Когда